

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН НА САЙТЕ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ШЕСТОПАЛОВ против РОССИИ»

(Жалоба № 46248/07)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

28 марта 2017 года

ВСТУПИЛО В СИЛУ

28 июня 2017 года

Настоящее постановление вступит в силу в порядке, установленном в пункте 2 статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.

По делу «Шестопалов против России»,

Европейский Суд по правам человека (Третья секция), заседая Палатой, в состав которой вошли:

Хелена Ядерблом, *Председатель*,

Луис Лопес Герра,

Хелен Келлер,

Дмитрий Дедов,

Пере Пастор Виланова,

Алена Полачкова,

Георгиос А. Сергидес, *судьи*,

и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,

проведя 7 марта 2017 года совещание по делу за закрытыми дверями,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеназванный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано по жалобе (№ 46248/07) против Российской Федерации, поданной в Суд по статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином Российской Федерации Антоном Сергеевичем Шестопаловым (далее — «заявитель») 16 октября 2007 года.

2. Интересы заявителя представляли А.И. Рыжов, О. А. Садовская и И.А. Каляпин, юристы Комитета против пыток, неправительственной организации, штаб-квартира которой находится в г. Нижний Новгород. Интересы Властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель жаловался, в частности, что во время нахождения в отделении милиции он подвергся жестокому обращению со стороны сотрудников милиции, пытавшихся получить признательные показания, а также, что по факту жестокого обращения не было проведено эффективного расследования.

4. 15 октября 2013 года жалобы, касающиеся предполагаемого жестокого обращения с заявителем были коммуницированы Властям Российской Федерации, а оставшаяся часть жалобы была объявлена неприемлемой согласно пункту 3 статьи 54 Регламента Суда.

5. Стороны представили свои замечания о приемлемости и по существу дела. Кроме того, Суд получил комментарии третьей стороны от правозащитной организации Redress, которой было предоставлено разрешение на представление письменных замечаний (пункт 2 статьи 36 Конвенции и пункт 3 правила 44 Регламента Суда).

ФАКТЫ

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель родился в 1986 году и проживает в г. Нижний Новгород.

А. Предполагаемое жестокое обращение с заявителем в РУВД Советского района г. Нижний Новгород

7. 24 мая 2004 года около 10:30 два сотрудника милиции РУВД Советского района явились домой к заявителю и попросили его ответить на несколько вопросов. С разрешения своей матери заявитель, который тогда был несовершеннолетним, последовал с ними в РУВД Советского района г. Нижний Новгород.

8. Допрос заявителя проводился в комнате № 306. Ему задавали вопросы, касающиеся изнасилования знакомой ему девушки, но заявитель указал, что он не имел никакого отношения к этому преступлению.

9. По словам заявителя, несколько сотрудников милиции связали его и бросили на пол. Спустя почти сорок минут они развязали его и спросили, признается ли он в совершении изнасилования. Он отказался признать свою вину. Четверо или пятеро сотрудников милиции наносили ему удары кулаками и ногами по голове и телу, душили его дубинкой, надели ему на голову пластиковый пакет и перекрыли доступ воздуха, сидели и прыгали на нем, накрыв его простыней, хватали его за уши и заставляли его сесть на шпагат.

10. Боясь, что жестокое обращение будет продолжаться, заявитель подписал самоизобличительные показания по требованию сотрудников милиции. Далее его отвели к С., следователю прокуратуры. После допроса следователем С., заявителя отпустили. Он находился в отделении милиции около десяти часов. Никаких документов, касающихся его задержания, ему не выдали.

11. 25 и 26 мая 2004 года заявитель проходил различные медицинские освидетельствования, в том числе он был осмотрен судебным медицинским экспертом. Дополнительные заключения судебного медицинского эксперта были представлены позже. Согласно медицинской карте заявителя, он получил следующие травмы: закрытая черепно-мозговая травма, сотрясение головного мозга, ссадины на ушах и за ушами, а также на руках и коленях, синяки на правом плече и на груди, а также синяки на ягодицах. Он не мог посещать школу до 15 июня 2004 года, 24 мая 2004 года ему выдали справку о болезни в связи с сотрясением мозга.

12. Потерпевшая дала показания о том, что заявитель ее не насиловал. В отношении заявителя не проводилось уголовного судопроизводства.

В. Расследование властей по факту жестокого обращения с заявителем

13. 26 мая 2004 года мать заявителя подала жалобу в Советский районный отдел милиции, указав, что сотрудники милиции подвергли ее сына жестокому обращению для того, чтобы он признал свою вину за преступление, которого не совершал, и требуя привлечения виновных сотрудников милиции к ответственности. 28 мая 2004 года ее жалоба была передана в прокуратуру Советского района.

14. В соответствии с подпунктом 2 пункта 1 статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — «УПК РФ»), было вынесено шесть постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции в связи с отсутствием элементов состава преступления. Каждое из этих постановлений было отменено из-за того, что комплексная проверка не была проведена. 20 февраля 2006 года Нижегородская областная прокуратура возбудила уголовное дело согласно подпункту «а» пункта 3 статьи 286 Уголовного кодекса (превышение должностных полномочий с применением насилия).

15. 28 февраля 2006 года заявитель был признан потерпевшим по данному делу.

16. Сотрудники милиции А. и Г. дали показания, заявив, что 24 мая 2004 года они явились домой к заявителю и сопроводили его в отделение милиции. Он оставался в комнате № 306 до вечера, и они присутствовали в комнате, как и сотрудник милиции Ф., который брал у заявителя показания. Они отрицали какое-либо жестокое обращение по отношению к заявителю.

17. 11 мая 2006 года заявитель не опознал А. и Г. во время предъявления для опознания.

18. 14 июля 2006 года он опознал оперативного сотрудника милиции Ф. по фотографии, назвав его одним из тех лиц, которые подвергли его жестокому обращению. В тот же день расследование было приостановлено в связи с тем, что злоумышленник не был установлен.

19. 27 июля 2006 года расследование было возобновлено, и заявитель опознал Ф. во время процедуры предъявления для опознания. Во время допроса в качестве подозреваемого Ф. подтвердил, что 24 мая 2004 года он брал показания у заявителя в комнате № 306, но отрицал применение насилия.

20. 24 августа 2006 года была проведена очная ставка между заявителем и Ф. Заявитель указал, что Ф. принимал участие в жестоком обращении и добивался от него признательных показаний. Он не смог вспомнить, какие конкретно жестокие действия совершал Ф.

21. 25 августа 2006 года уголовное преследование в отношении Ф. было прекращено по подпункту 1 пункта 1 статьи 27 УПК РФ по основаниям его непричастности к совершению преступления.

22. 10 января 2007 года был проведен осмотр места преступления в комнате № 306.

23. 26 января 2007 года была проведена очная ставка между заявителем и сотрудниками милиции А. и Г., которые вновь отрицали применение насилия в отношении заявителя. Заявитель указал, что А. причастен к жестокому обращению, но не смог вспомнить, какие именно жестокие действия он совершал. Он пояснил, что ранее не опознал А. из-за плохого зрения. В тот же день следственный орган отказал в возбуждении уголовного дела в отношении А. в связи с отсутствием состава преступления. Заявитель указал, что Г. не нападал на него, но допрашивал его и присутствовал во время жестокого обращения.

24. 26 января 2007 года заявителю показали несколько фотографий других сотрудников милиции. Он не опознал правонарушителей.

25. В тот же день расследование было приостановлено в связи с тем, что злоумышленники не были установлены. Расследование впоследствии было возобновлено, но 19 апреля 2007 года вновь приостановлено по тем же основаниям.

С. Производство по делу о выплате компенсации

26. В 2008 году заявитель подал гражданский иск к Министерству финансов Российской Федерации, требуя выплаты 500 000 рублей в качестве компенсации за ущерб в связи с пытками, совершенными сотрудниками милиции. Он заявил, что обстоятельства дела давали основания полагать, что сумма искового требования ниже компенсации, на которую он мог рассчитывать согласно статье 41 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, но он считал, что предпочтительнее разрешить дело в национальном суде.

27. 17 ноября 2008 года Советский районный суд г. Нижнего Новгорода (далее — «районный суд») признал нарушение права заявителя не подвергаться обращению, запрещенному согласно статье 3 Конвенции, частично удовлетворил гражданский иск заявителя и присудил ему 50 000 рублей (около 1450 евро).

28. Суд ссылаясь на конвенционную прецедентную практику по статье 3, касающуюся обязательства Государства провести

эффективное расследование, в частности, на дело «Михеев против России» (постановление Европейского Суда от 26 января 2006 года по делу «Михеев против России» (*Mikheyev v. Russia*), жалоба № 77617/01). Суд отметил, что уголовное производство было возбуждено после шести отказов и что заявитель был признан потерпевшим.

29. Районный суд был убежден изложением событий, представленным матерью заявителя, которое, по мнению суда, совпадало с другими доказательствами по делу, в частности, с ее показаниями о том, что заявитель не имел телесных повреждений, когда он вышел из дома с сотрудниками милиции, и что его здоровью, как оказалось, был причинен вред, когда он вернулся домой из отделения милиции. Отметив, что ни органы власти-ответчики, ни РУВД Советского района, выступающее в качестве третьей стороны в рамках судопроизводства, не представили свидетельств того, что заявитель (см. пункт 11 выше) мог получить травмы в иных обстоятельствах, районный суд установил, что травмы были получены в тот период, когда заявитель находился в отделении милиции.

30. Районный суд отметил, что заявитель на момент рассматриваемых событий был несовершеннолетним и что, согласно его показаниям, данным во время слушания, различные акты насилия, которым подвергли его сотрудники милиции Советского РУВД при исполнении своих обязанностей (см. пункт 9 выше), причинили ему душевные и физические страдания. Согласно показаниям заявителя, он испытал сильную боль в результате жестоких действий сотрудников милиции, в том числе, ударов кулаками и ногами, удушения дубинкой, блокирования доступа воздуха, когда сотрудники милиции сидели и прыгали на нем, заставляли его делать шпагат и пр. Он страдал от головокружения, у него была тошнота и рвота. В течение нескольких последующих дней он чувствовал слабость и страдал от головокружения, чувствовал тяжесть в затылке. Когда сотрудники милиции пытались душить его, он испугался за свою жизнь. Ему не у кого было попросить помощи. Тот факт, что вред был причинен, когда он находился в отделении милиции, которая, как предполагается, должна защищать людей, был особенно травмирующим. Он был напуган, подавлен и угнетен. Пострадали его честь и достоинство. По словам заявителя, принудив его подписать явку с повинной, сотрудники милиции унизили его.

31. Изучив доказательства во всей их полноте, в частности, медицинские свидетельства травм, полученных заявителем, районный суд установил, что душевные и физические страдания заявителя были вызваны незаконными действиями сотрудников милиции Советского РУВД, в частности, бесчеловечным и унижающим достоинство обращением и нанесением телесных повреждений. Таким образом, его права по статье 37 Конвенции ООН о правах ребенка и статьи 3

Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод были нарушены.

32. Опираясь на Конституцию Российской Федерации, в частности, на положения, касающиеся права на компенсацию вреда, причиненного незаконными действиями органов государственной власти (статья 53), районный суд постановил, что государство несет ответственность за жестокое обращение с заявителем, несмотря на тот факт, что вина конкретных лиц так и не была установлена.

33. Стороны обжаловали данное решение. Заявитель обжаловал сумму компенсации, считая ее непропорциональной страданиям, которые он перенес.

34. 3 марта 2009 года Нижегородский областной суд отклонил апелляцию заявителя и оставил в силе решение суда первой инстанции. Тем не менее, суд подчеркнул тот факт, что заявитель на момент рассматриваемых событий был несовершеннолетним и что удержание в отделении милиции в течение десяти часов представляло собой длительный период, и что власти не смогли представить уважительных причин, чтобы объяснить столь длительное удержание заявителя.

ПРАВО

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

35. Заявитель жаловался по статье 3 Конвенции, что сотрудники милиции подвергли его пыткам, чтобы заставить его признаться в совершении преступления. Он утверждал, что также мог требовать признания его жертвой в связи с нарушением статьи 3 Конвенции, поскольку органы власти не провели эффективного расследования, а сумма компенсации была непропорциональна причиненным ему страданиям. Статья 3 Конвенции гласит следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Доводы сторон

1. Доводы Властей

36. Власти заявили, что доказательства, полученные во время расследования по жалобе заявителя, доподлинно установили, что 24 мая 2004 года заявитель был доставлен в Советское РУВД города Нижнего Новгорода и подвергся насилию со стороны сотрудников милиции. Уголовное производство было возбуждено с опозданием, и

личности сотрудников милиции, подлежащих привлечению к ответственности за жестокое обращение с заявителем, не были установлены. Власти с сожалением признали, что государство не провело эффективного расследования по жалобе заявителя.

37. Власти также отметили, что в рамках гражданского судопроизводства в отношении государства внутригосударственные суды вынесли решение в пользу заявителя, установив, что сотрудники милиции Советского РУВД нанесли ему телесные повреждения, и частично удовлетворив его иск о компенсации. Власти Российской Федерации заявили, что органы власти, таким образом, полностью восстановили права заявителя. Ввиду признания факта нарушения прав заявителя и присужденной ему компенсации заявитель не может более заявлять о наличии статуса жертвы нарушения статьи 3 Конвенции.

2. Доводы заявителя

38. Заявитель продолжал настаивать на своих жалобах.

3. Доводы третьей стороны

39. Ссылаясь на международные правовые стандарты, а также на международную и внутригосударственную судебную практику, правозащитная организация Redress подчеркнула, что крайне важно, чтобы все формы пособничества или участия в пытках, будь то совершение действий, распоряжение, поощрение, дозволение или содействие, а также соучастие в действиях, даже путем простого присутствия в соответствующих обстоятельствах, подлежали наказанию. Организация заявила, что уголовное расследование повреждений, причиненных лицу в время его (ее) нахождения в отделении милиции, должно исходить из предпосылки, что сотрудники милиции, на момент нахождения такого лица под контролем милиции, могли быть ответственны за совершение или пособничество, или участие в пытках или жестоком обращении. Организация Redress далее подчеркнула, что руководящим принципом при оценке того факта, является ли компенсация, присужденная внутригосударственными судами, адекватной, было то, что такая компенсация должна отражать серьезность нарушения и вред, причиненный жертве нарушения.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

40. Вопрос о том, может ли заявитель все еще требовать признания его жертвой нарушения статьи 3 Конвенции в отношении предполагаемого жестокого обращения, тесно связан с существом его

жалоб по данной статье. Таким образом, Суд решает присоединить данный вопрос к существу жалобы заявителя.

41. Суд также отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции, и что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

(а) Подвергался ли заявитель жестокому обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции

42. Соответствующие общие принципы повторно изложены в постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Буид против Бельгии» (*Bouyid v. Belgium*, жалоба № 23380/09, пункты 81–88, ECHR 2015). В частности, в случае, если события по делу полностью или по большей части находятся в сфере исключительной осведомленности властей, как в деле, где фигурируют лица, находящиеся под их контролем под стражей, возникают обоснованные фактические презумпции в отношении травм, которые возникают во время нахождения под стражей. В указанном случае Власти несут бремя доказывания по предоставлению убедительных и достаточных пояснений и доказательств, способных поставить под сомнение ту версию событий, которая была изложена потерпевшим. В случае отсутствия такого объяснения Суд может сделать неблагоприятные выводы в отношении Властей. Подобный подход обусловлен особо уязвимым положением лиц, находящихся в заключении, и возложенной на органы государственной власти обязанностью по их защите (*там же*, пункт 83).

43. Суд напоминает, что он счел обращение «бесчеловечным», поскольку, в частности, оно являлось преднамеренным, применялось в течение нескольких часов и причиняло либо фактические телесные повреждения, либо сильные физические и душевные страдания. Обращение считалось «унижающим достоинством», если оно вызывало у потерпевших чувство страха, боли и неполноценности, способных унижить и опозорить их, и, возможно, сломить их физическое или моральное сопротивление, или если оно было таким, что заставляло потерпевшего поступать против его воли или совести. Чтобы определить, следует ли классифицировать какую-либо конкретную форму жестокого обращения как пытку, Суд должен учитывать различия, проводимые в статье 3 Конвенции между этим понятием и понятием бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. Как отмечалось в предыдущих делах, Конвенция с помощью такого различия особым образом осуждает умышленное бесчеловечное обращение, являющееся причиной очень серьезных и жестоких страданий. В дополнение к серьезности обращения

существует целенаправленный элемент пыток, признанный в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, в статье 1 которой пытки определены с точки зрения преднамеренного причинения сильной боли или страданий с целью получения информации, назначения наказания или запугивания (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Гёфген против Германии» (*Gäfgen v. Germany*, жалоба № 22978/05, пункты 89–90, ECHR 2010).

44. Возвращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что в рамках гражданского процесса национальные суды установили, что право заявителя не подвергаться обращению, запрещенному в соответствии со статьей 3 Конвенции, было нарушено.

45. Суды установили, что повреждения заявителя были получены во время нахождения в УВД Советского района в результате насилия, примененного сотрудниками милиции Советского района, и что органы власти не имели никаких свидетельств, которые могли бы доказать, что заявитель получил эти повреждения в других обстоятельствах. Суды установили, что государство несло ответственность за жестокое обращение с заявителем, несмотря на тот факт, что вина конкретных лиц не была установлена. Суд соглашается с оценкой национальных судов, которая основывается на принципах, закрепленных в прецедентной практике по статье 3 Конвенции.

46. Что касается юридической квалификации обращения, Суд отмечает, что заявитель, который был несовершеннолетним на момент рассматриваемых событий, был вынужден противостоять четырем или пяти сотрудникам милиции, которые, как он полагал, должны были защищать таких, как он, и которым он, таким образом, доверился, проследовав с ними, по их требованию, в отделение милиции без сопровождения. Они подвергли его различным формам жестокого обращения, которое включало удары кулаками и ногами, сидение и прыжки на заявителе, который был накрыт простыней, хватание за уши и принуждение сделать шпагат, а также почти удушили его, пережав ему горло дубинкой и надев ему на голову пластиковый мешок. Такое обращение причинило ему физические травмы и физические и душевные страдания, в том числе внушило ему страх за собственную жизнь. Ему понадобилось три недели, чтобы восстановиться. Сотрудники милиции действовали намеренно с целью унижить его, заставить его подчиниться и признаться в совершении преступления.

47. Утверждения заявителя были последовательными на протяжении всего периода внутригосударственного судопроизводства и были приняты в качестве установленных Советским районным судом города Нижнего Новгорода и Нижегородским областным судом. Власти Российской Федерации не оспаривали утверждения заявителя.

Суд считает, что предполагаемые факты можно, тем самым, считать установленными. Суд также отмечает, что жестокое обращение имело место во время необоснованного десятичасового периода содержания в отделении милиции. Ему отказали в обеспечении всех прав, предоставляемых лицу, задержанному по подозрению в совершении правонарушения, заявитель находился под полным контролем сотрудников милиции. Это делало его особенно беззащитным, в частности, с учетом его возраста.

48. Принимая во внимание все обстоятельства дела, включая возраст заявителя, степень тяжести обращения, которому подвергся заявитель во время нахождения в отделении милиции, использование инструментов, таких как деревянная палка и пластиковый мешок, физическое и душевное воздействие обращения и цель, которую оно преследовало, Суд полагает, что такое обращение представляло собой пытку.

(б) Провели ли органы власти эффективное расследование

49. Заявитель представил заслуживающие доверия утверждения, подтверждаемые медицинскими и прочими свидетельствами, что он подвергся пыткам в период нахождения в отделении милиции. Таким образом, государство несет обязательство по проведению эффективного расследования его заявлений.

50. Власти признали, что такого расследования не проводилось. Суд, с учетом нарушения материального аспекта статьи 3 Конвенции, не находит оснований для вынесения иного постановления.

51. Суд ранее установил, что в контексте российской правовой системы в случае заслуживающих доверия утверждений об обращении, запрещенном согласно статье 3 Конвенции, органы государственной власти обязаны возбудить уголовное дело и провести надлежащее уголовное расследование, то есть выполнить весь комплекс следственных действий, которые в своей совокупности могут рассматриваться в качестве эффективного средства правовой защиты потерпевших, подвергшихся жестокому обращению в соответствии с требованиями национального законодательства. Сам факт отказа следственных органов от проведения уголовного расследования заслуживающих доверия утверждений о серьезном жестоком обращении в отделении полиции указывает на несоблюдение государством своего обязательства по статье 3 по проведению эффективного расследования (см. постановление Европейского Суда от 24 июля 2014 года по делу «Ляпин против России» (*Lyapin v. Russia*), жалоба № 46956/09, пункты 129 и 132–36, и последующие дела, по многим из которых Власти признали нарушение процессуального аспекта статьи 3, такие как постановление Европейского Суда от 5 февраля 2015 года по делу «Раззаков против

России» (*Razzakov v. Russia*), жалоба № 57519/09, пункты 57–61; постановление Европейского Суда от 6 октября 2015 года по делу «Горщук против России» (*Gorshchuk v. Russia*), жалоба № 31316/09, пункты 35–38; постановление Европейского Суда от 6 октября 2015 года по делу «Турбылев против России» (*Turbylev v. Russia*), жалоба № 4722/09, пункты 67–72; постановление Европейского Суда от 8 октября 2015 года по делу «Фартушин против России» (*Fartushin v. Russia*), жалоба № 38887/09, пункты 44–45; и постановление Европейского Суда от 23 февраля 2016 года по делу «Александр Андреев против России» (*Aleksandr Andreyev v. Russia*), жалоба № 2281/06, пункты 63–65). Задержка в возбуждении уголовного дела и проведении уголовного расследования в таких делах может иметь только существенное негативное влияние на расследование, значительно уменьшая способность следственного органа по обеспечению доказательств, касающихся предполагаемого жестокого обращения (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Раззаков против России», пункт 61).

52. Указанные выше выводы полностью применимы к настоящему делу. В результате задержки в возбуждении уголовного дела, составившей почти один год и девять месяцев, заявитель получил возможность установить и обличить тех, кто мог участвовать в его пытках спустя период от двух лет до двух лет и восьми месяцев после событий (см. пункты 17–20 и 23–24 выше). Осмотр соответствующей комнаты был проведен более чем через два года и семь месяцев после предполагаемого жестокого обращения (см. пункт 22 выше).

53. Суд также отмечает, что были установлены несколько сотрудников милиции, присутствовавших во время допросов заявителя или проводивших допросы, имевших место в период произвольного удержания заявителя в отделении милиции и включавших требования признаться в совершении преступления, которые сопровождалась пытками. Несмотря на тот факт, что заявитель указал на некоторых из сотрудников милиции как на правонарушителей, им не было предъявлено никаких обвинений (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Селмуни против Франции» (*Selmouni v. France*), жалоба № 25803/94, пункт 78, ECHR 1999-V). При отказе от возбуждения или при прекращении уголовного производства в отношении сотрудников милиции следственный орган существенно опирался на их показания, отрицающие какое-либо жестокое обращение с заявителем, и не представил серьезных обоснований для отклонения его заслуживающих доверия утверждений о жестоком обращении и доказательств в поддержку версии заявителя. Материалы дела не позволяют сделать предположение, что выводы следствия основывались на тщательном, объективном и непристрастном анализе всех значимых элементов (см. постановление Европейского Суда от 5 ноября 2009 года по делу «Колевы против Болгарии» (*Kolevi v.*

Bulgaria), жалоба № 1108/02, пункт 192; и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Джулиани и Гаджо против Италии» (*Giuliani and Gaggio v. Italy*), жалоба № 23458/02, пункт 302, ECHR 2011 (выдержки)).

54. Учитывая существенную задержку в возбуждении уголовного дела и начале проведения полного уголовного расследования, а также последующий способ проведения расследования, Суд полагает, что расследование не было надлежащим и тщательным и что судопроизводство продемонстрировало отсутствие желания со стороны органов власти привлечь сотрудников милиции к ответственности (ср. постановление Европейского Суда от 3 ноября 2015 года по делу «Мюмюн против Болгарии» (*Mumtun v. Bulgaria*), жалоба № 67258/13, пункт 72). Невыполнение государством обязанности по проведению эффективного расследования способствовало формированию у сотрудников милиции чувства безнаказанности. Суд подчеркивает, что надлежащая реакция органов власти при расследовании серьезных заявлений об обращении во время нахождения в отделении милиции или в других подобных учреждениях в соответствии со стандартами статьи 3 Конвенции является существенным фактором для поддержания веры общества в соблюдение ими принципа верховенства права и для предотвращения возникновения сговора или толерантного отношения к незаконным действиям (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Ляпин против России», пункт 139 с последующими ссылками).

(с) Лишился ли заявитель своего статуса жертвы

55. Суд напоминает, что обязанность по возмещению вреда, причиненного любым предполагаемым нарушением Конвенции, в первую очередь несут органы власти соответствующей страны. Суд одобряет тот факт, что внутригосударственные суды в рамках гражданского судопроизводства надлежащим образом рассмотрели дело заявителя, установили ответственность Государства за жестокое обращение с заявителем и присудили компенсацию, несмотря на то, что вина лиц, ответственных за жестокое обращение, не была установлена в рамках уголовного судопроизводства.

56. Тем не менее, в делах об умышленном жестоком обращении со стороны государственных органов в нарушение статьи 3 Суд неоднократно устанавливал, что, кроме признания факта нарушения, необходимы две меры, чтобы обеспечить достаточное возмещение. Во-первых, органы государственной должны провести тщательное и эффективное расследование, которые может привести к установлению и наказанию ответственных лиц. Во-вторых, если приемлемо, необходимо присудить компенсацию или, по меньшей мере, предоставить возможность подать исковое требование о компенсации

и получить компенсацию ущерба, полученного в результате такого жестокого обращения (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Гефген против Германии», пункт 116). В делах об умышленном жестоком обращении со стороны государственных органов нарушение статьи 3 не может быть устранено только присуждением компенсации жертве, поскольку, если бы органы власти ограничили свою реакцию на инцидент умышленного жестокого обращения со стороны государственных органов просто выплатой компенсации, не предприняв достаточных мер для преследования и наказания ответственных лиц, то в некоторых случаях государственные органы могли бы нарушать права лиц, находящихся под их контролем, фактически безнаказанно. В таком случае, общий правовой запрет на пытки и бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, несмотря на свое фундаментальное значение, окажется неэффективным на практике (см. постановление Европейского Суда от 24 июля 2008 года по делу «Владимир Романов против России» (*Vladimir Romanov v. Russia*), жалоба № 41461/02, пункт 78, и упоминавшееся выше постановление по делу «Гефген против Германии», пункт 119). По этой причине присуждение заявителю компенсации за ущерб, причиненный ему в результате жестокого обращения, представляет собой только часть необходимых общих действий (см. постановление Европейского Суда от 7 апреля 2015 года по делу «Честаро против Италии» (*Cestaro v. Italy*), жалоба № 6884/11, пункт 231). Тот факт, что национальные органы власти не провели эффективного расследования (см. пункт 54 выше), является решающим для ответа на вопрос, лишился ли заявитель статуса жертвы (*там же*, пункт 229).

57. Оценка ответа органов власти – посредством уголовной процедуры – на заслуживающие доверия утверждения заявителя о жестоком обращении со стороны сотрудников полиции приводит Суд к выводу, что органы власти не провели тщательного и эффективного расследования, которое могло бы привести к установлению виновных лиц и их наказанию (см. пункты 49–54 выше).

58. Что касается присуждения компенсации, Суд напоминает, что в деле о нарушении статей 2 и 3 Конвенции, которые считаются самыми основными положениями Конвенции, компенсация неимущественного вреда, вытекающего из нарушения, должна в принципе являться частью доступных средств правовой защиты (постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Z и другие против Соединенного Королевства» (*Z and Others v. the United Kingdom*), жалоба № 29392/95, пункт 109, ECHR 2001-V; постановление Европейского Суда по делу «МакГлинчи и другие против Соединенного Королевства» (*McGlinchey and Others v. the United Kingdom*), жалоба № 50390/99, пункт 66, ECHR 2003-V; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Станев против Болгарии» (*Stanev v. Bulgaria*), жалоба № 36760/06,

пункт 218, ECHR 2012; и постановление Европейского Суда от 4 декабря 2012 года по делу «Ленев против Болгарии» (*Lenev v. Bulgaria*), жалоба № 41452/07, пункт 128). Вопрос о том, получил ли заявитель компенсацию за ущерб, причиненный обращением, противоречащим статье 3 – сопоставимую с суммой справедливой компенсации, предусмотренной согласно статье 41 Конвенции – является важным показателем для оценки, было ли возмещено нарушение Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 29 июля 2010 года по делу «Копылов против России» (*Kopylov v. Russia*), жалоба № 3933/04, пункт 143).

59. При оценке суммы компенсации, присужденной внутригосударственным судом, Суд полагает, на основании доступных ему материалов, что компенсация была присуждена в тех же условиях (см., с учетом необходимых изменений, постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Скордино против Италии (№ 1)» (*Scordino v. Italy (no. 1)*), жалоба № 36813/97, пункт 211, ECHR 2006-V; постановление Европейского Суда от 17 октября 2013 года по делу «Сергей Васильев против России» (*Sergey Vasilyev v. Russia*), жалоба № 33023/07, пункт 49; постановление Европейского Суда от 30 апреля 2014 года по делу «Зенков против России» (*Zenkov v. Russia*), жалоба 37858/08, пункт 52; и постановление Европейского Суда от 29 апреля 2010 года по делу «Сметанко против России» (*Smetanko v. Russia*), жалоба № 6239/04, пункт 41). Суд неоднократно подтверждал, что установление факта нарушения не является достаточным, чтобы составить справедливую компенсацию в делах о жестоком обращении, перенесенном лицами, находящимися под контролем органов милиции или других государственных органов (см., среди недавних источников, в которых было установлено нарушение статьи 3 в связи с пытками, постановление Европейского Суда от 24 июля 2014 года по делу «Аль Нашири против Польши» (*Al Nashiri v. Poland*), жалоба № 28761/11, пункт 594; постановление Европейского Суда от 20 января 2015 года по делу «Атешоглу против Турции» (*Ateşoğlu v. Turkey*), жалоба № 53645/10, пункт 35; постановление Европейского Суда от 20 октября 2015 года по делу «Афет Сюрейя Эрен против Турции» (*Afet Süreyya Eren v. Turkey*), жалоба № 36617/07, пункт 51; постановление Европейского Суда от 12 ноября 2015 года по делу «Захарин и другие против России» (*Zakharin and Others v. Russia*), жалоба № 22458/04, пункт 94; и постановление Европейского Суда от 11 февраля 2016 года по делу «Помиляйко против Украины» (*Pomilyayko v. Ukraine*), жалоба № 60426/11, пункт 62).

60. Факторы, релевантные для определения уровня компенсации по статье 41 Конвенции в таких делах, включают степень серьезности нарушения статьи 3 и вред, понесенный жертвой (см. в дополнение к делам, упоминавшимся в пункте 59 выше, постановление Европейского Суда от 18 декабря 1996 года по делу «Аксой против

Турции» (*Aksoy v. Turkey*), пункт 113, *Сборник постановлений и решений* 1996-VI; постановление Европейского Суда от 26 января 2006 года по делу «Михеев против России» (*Mikheyev v. Russia*), жалоба № 77617/01, пункт 163; постановление Европейского Суда от 18 января 2007 года по делу «Читаев против России» (*Chitayev v. Russia*), жалоба № 59334/00, пункт 212; постановление Европейского Суда от 2 октября 2008 года по делу «Белоусов против России» (*Belousov v. Russia*), жалоба № 1748/02, пункт 78; постановление Европейского Суда от 19 марта 2009 года по делу «Полонский против России» (*Polonskiy v. Russia*), жалоба № 30033/05, пункт 184; упоминавшееся выше постановление по делу «Гефген против Германии», пункт 126; постановление Европейского Суда от 16 сентября 2010 года по делу «Тигран Айрапетян против России» (*Tigran Ayrapetyan v. Russia*), жалоба № 75472/01, пункт 92; упоминавшееся выше постановление по делу «Копылов против России», пункт 181; постановление Европейского Суда от 11 декабря 2012 года по делу «Тангиев против России» (*Tangiyev v. Russia*), жалоба № 27610/05, пункт 87; и упоминавшееся выше постановление по делу «Ляпин против России», пункт 148).

61. Даже если метод расчета, предусмотренный внутригосударственным правом, не соответствует в полном объеме критериям, установленным Судом, анализ прецедентной практики должен позволить национальным судам присуждать суммы, которые не являются неоправданными по сравнению с компенсациями, присужденными Судом в подобных делах (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Скордино против Италии (№ 1)», пункт 213).

62. Национальные суды выплатили заявителю компенсацию в сумме, эквивалентной около 1450 евро, полагая, что такая сумма будет составлять адекватное возмещение вреда, причиненного заявителю. Отсутствует какое-либо указание, что в своей оценке национальные суды учитывали компенсации, присуждаемые Судом в подобных делах. Суд отмечает, что указанная сумма существенно меньше сумм, обычно присуждаемых Судом в подобных делах.

63. Наконец, Суду следует отметить, что заявитель, указывая во внутригосударственных судах, что жестокое обращение, которому он подвергся, составляло пытку, требовал около 14 500 евро, отмечая, что компенсация, присуждаемая при использовании внутригосударственного средства правовой защиты, будет меньше компенсации, на которую он мог бы рассчитывать в рамках судопроизводства по Конвенции, и четко заявляя о своем предпочтении принять такую меньшую компенсацию, вместо того, чтобы запускать в ход международный механизм рассмотрения жалоб в Суде (сумма, присужденная ему внутригосударственными судами составила примерно 10% требуемой им суммы). Суд соглашается с заявителем в том, что он мог бы вполне принять, что

внутригосударственное средство правовой защиты, в ином случае удовлетворяющее требованиям «эффективного средства правовой защиты», могло привести к компенсации, меньшей, чем компенсация, присужденная Судом, учитывая, тем не менее, что такая компенсация не будет неоправданной по сравнению с суммами, присуждаемыми Судом в подобных делах (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Скордино против Италии (№ 1)», пункт 206).

64. Суд заключает, что компенсация, присужденная заявителю внутригосударственными судами, не составила достаточного возмещения.

65. Учитывая, что расследование по факту жестокого обращения с заявителем было неэффективным и что компенсация, присужденная ему, была недостаточной, заявитель все еще имеет право заявлять о наличии статуса «жертвы» нарушения своих прав по статье 3 Конвенции в связи с пытками, которым он подвергся со стороны сотрудников милиции во время его нахождения в УВД Советского района города Нижний Новгород. Таким образом, возражение Властей должно быть отклонено.

(d) Вывод

66. Суд приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее материальном и процессуальном аспектах.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

67. Заявитель утверждал, что внутригосударственные средства правовой защиты, которые он использовал в отношении нарушения его прав, гарантированных статьей 3 Конвенции, оказались неэффективными. Он опирался на статью 13, которая гласит:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в [настоящей] Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

68. Власти оспорили этот аргумент в части, касающейся гражданского судопроизводства (см. пункты 36 и 37 выше).

A. Приемлемость жалобы

69. Суд установил, что государство-ответчик несет ответственность по статье 3 Конвенции за пытки, причиненные заявителю во время нахождения последнего в отделении милиции. Таким образом, жалобы заявителя в этом отношении являются «небезосновательными» в целях статьи 13 в связи со статьей 3 Конвенции.

70. Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции, и что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Поэтому она должна быть признана приемлемой.

В. Существо жалобы

71. Что касается жалоб заявителя о том, что он не имел эффективного уголовно-правового средства защиты в отношении своих утверждений о пытках со стороны сотрудников милиции, Суд отмечает, что данная часть жалобы не поднимает отдельного вопроса, отличного от вопроса, рассмотренного по процессуальному аспекту статьи 3 (см. пункты 54 и 66 выше), и полагает, что отсутствует необходимость отдельного рассмотрения данной жалобы по статье 13.

72. Что касается жалоб заявителя, что он не имел эффективного гражданско-правового средства защиты в отношении тех же утверждений, Суд напоминает, что статья 13 Конвенции гарантирует доступность на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения исполнения существа конвенционных прав и свобод в любой возможной форме для их защиты в рамках внутригосударственного правопорядка. Поэтому статья 13 Конвенции требует предоставления внутригосударственного средства правовой защиты, позволяющего рассмотреть «небезосновательную жалобу» на нарушение положений Конвенции по существу и предоставить необходимое возмещение, хотя Договаривающиеся Государства обладают определенной свободой усмотрения в отношении способов выполнения своих обязательств, вытекающих из данного положения Конвенции. Объем обязательств согласно статье 13 Конвенции также варьируется в зависимости от характера жалобы заявителя в соответствии с Конвенцией. Тем не менее, средство правовой защиты, требуемое статьей 13, должно быть «эффективным» как на практике, так и по закону (см. упоминавшееся выше постановление по делу «Z и другие против Соединенного Королевства», пункт 108; и постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Центр правовых ресурсов от имени Валентина Кампеану против Румынии» (*Centre for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpeanu v. Romania*), жалоба № 47848/08, пункт 148, ECHR 2014). «Эффективность» какого-либо «средства правовой защиты» в смысле статьи 13 не зависит от определенности благоприятного исхода дела для заявителя (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «K. и T. против Финляндии» (*K. and T. v. Finland*), жалоба № 25702/94, пункты 198–99, ECHR 2001-VII; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хирси Джамаа и другие против Италии» (*Hirsi Jamaa and Others v. Italy*), жалоба № 27765/09, пункт 197, ECHR

2012; и постановление Европейского Суда от 4 сентября 2014 года по делу «Петер против Германии» (*Peter v. Germany*), жалоба № 68919/10, пункты 55–57).

73. Суд отмечает, что российское право позволило заявителю подать гражданский иск о компенсации морального вреда, причиненного в результате жестокого обращения. Тот факт, что его иск был удовлетворен частично, сам по себе не является достаточным, чтобы считать средство правовой защиты неэффективным. Более того, заявитель не представил никаких доказательств, чтобы продемонстрировать, что рассматриваемое средство правовой защиты можно было бы считать неэффективным.

74. С учетом вышеизложенного Суд устанавливает, что не было доказано, что гражданско-правовое средство защиты было неэффективным. Таким образом, по настоящему делу не было допущено нарушение статьи 13 Конвенции в части, касающейся гражданского судопроизводства.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

75. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

76. Заявитель требовал 50 000 евро в качестве компенсации неимущественного вреда.

77. Власти оспорили данное требование.

78. Суд установил, что заявитель все еще может утверждать, что является жертвой нарушения его прав, гарантированных статьей 3 Конвенции. Принимая решение на справедливой основе и учитывая сумму, присужденную заявителю внутригосударственными судами, Суд присуждает заявителю 48 550 евро, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма.

B. Расходы и издержки

79. Заявитель также требовал 1000 евро в качестве компенсации расходов и издержек, понесенных им в ходе проведения разбирательств в отношении национальных правоохранительных

органов, и 3000 евро для компенсации расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательства в Европейском Суде.

80. Власти оспорили данное требование.

81. В соответствии с прецедентной практикой Суда, заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в том случае, если будет доказано, что они были фактически понесены и разумны. В настоящем деле, с учетом предоставленных в распоряжение Суда документов и указанных выше критериев, Суд отклоняет требование о возмещении расходов и издержек, понесенных в рамках внутригосударственного судопроизводства, и полагает обоснованным присудить 3000 евро за расходы и издержки, понесенные в рамках производства в Суде, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма, с перечислением указанной суммы непосредственно представителю заявителя, в соответствии с требованием представителя.

С. Проценты за просрочку платежа

82. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка, плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *решил* присоединить к жалобе существо вопроса о том, может ли заявитель утверждать о наличии у него статуса жертвы нарушения статьи 3 Конвенции;
2. *объявил* жалобу приемлемой;
3. *постановил*, что заявитель может утверждать о наличии у него статуса жертвы нарушения статьи 3 Конвенции в целях статьи 34 Конвенции;
4. *постановил*, что в настоящем деле имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее материальном аспекте в связи с тем, что заявитель подвергся пыткам;
5. *постановил*, что в настоящем деле имело место нарушение статьи 3 Конвенции в ее процессуальном аспекте в связи с отсутствием эффективного расследования утверждений заявителя о пытках со стороны сотрудников милиции;

6. *постановил*, что нет необходимости в отдельном рассмотрении жалобы по статье 13 Конвенции в совокупности со статьей 3 Конвенции в отношении уголовно-правового средства защиты;
7. *постановил*, что в настоящем деле не было допущено нарушение статьи 13 Конвенции в совокупности со статьей 3 Конвенции в отношении гражданского судопроизводства;
8. *постановил*:
 - (а) что в течение трех месяцев, начиная со дня вступления постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции, государство-ответчик обязано выплатить заявителю нижеприведенные суммы с последующим переводом в валюту государства-ответчика по курсу на день выплаты:
 - (i) 48 550 (сорок восемь тысяч пятьсот пятьдесят) евро, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве компенсации неимущественного вреда;
 - (ii) 3000 (три тысячи) евро, включая любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве компенсации судебных расходов и издержек, подлежащих выплате непосредственно представителю заявителя;
 - (b) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на вышеуказанные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной годовой процентной ставке Европейского центрального банка в течение периода выплаты пени, плюс три процентных пункта;
9. *отклонил* остальную часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 28 марта 2017 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Хелена Ядерблом
Председатель